

Цзян Юань, услышав это, моргнул и с недоумением посмотрел на Шу Кая.

— Е-еда? Трансляция еды?

Шу Кай уже привык к тому, что Цзян Юань часто ведет себя наивно и простодушно, поэтому, кивнув, он уже собрался объяснить, что это значит, но с другой стороны от Цзян Юаня раздался спокойный голос:

— Мукбан — это своего рода профессия. Нужно просто сидеть перед камерой и постоянно есть, а люди будут на это смотреть. Конечно, если зрителей много, то на этом можно заработать.

Цзян Юань опешил. Озадаченно почесав затылок, он пробормотал себе под нос:

— Раса людей такая странная, неужели им нравится смотреть, как едят другие?

Конечно, будучи духом-оборотнем, прожившим несколько тысяч лет, Цзян Юань не был глупцом. Каждый раз, когда он говорил сам с собой, он приглушал голос так, чтобы его мог услышать только он один. Поэтому, несмотря на то что он часто тихо ворчал, он еще ни разу не выдал себя в мире людей.

Однако сегодня рядом с ним сидел необычайно сильный нечеловек. Тин Юй шевельнул ухом, и, разумеется, расслышал бормотание Цзян Юаня до последнего слова, после чего машинально пожаловался:

— И не говори. Некоторое время назад были популярны стримы с самоубийствами — добавили нам столько работы, что не сосчитать!

Цзян Юань понимающе кивнул, но на середине кивка внезапно замер. Он повернул голову к Тин Юю, и взгляд его стал странным.

— Добавили? Работы?

Но психологическая устойчивость Тин Юя была поистине железной. Он небрежно кивнул, придвинулся к самому уху Цзян Юаня и принялся сочинять:

— Я в университете учился на судмедэксперта. Некоторое время назад как раз стажировался в полицейском участке. Целыми днями приходилось вскрывать молодых людей, которые умирали при самых причудливых обстоятельствах, — ужасно надоело!

Цзян Юань задумался и, используя свои скудные познания об устройстве человеческого общества (древней версии), перевел для себя:

— Значит, ты — могильщик? Насколько я помню, служба в ямынях у людей считается надежным делом, так зачем ты пришел сюда участвовать в этой... этой «Голянь»?

Тин Юй не ответил, лишь с улыбкой уставился на Цзян Юаня, отчего дух панды, не имеющий никакого опыта в подобных «сражениях», почувствовал досаду и смущение.

— Эй, какой же ты странный! Ладно, забудь. Чего ты уставился на меня? Иди смотри выступление!

Они сидели тесно, говорили вполголоса, и Шу Кай, сидевший по другую сторону от Цзян Юаня, видя, что те придвигаются друг к другу все ближе и вот-вот соприкоснутся, почувствовал в душе странную пустоту. Он машинально захотел ткнуть Цзян Юаня в спину, чтобы привлечь внимание.

Однако его руку на полпути перехватили. Подняв голову, он увидел Лу Чжихуэя из той же продюсерской компании, который смотрел на него с беспомощным выражением лица.

— О чем ты думаешь? Твоя очередь вот-вот наступит, сотрудники уже заждались.

Шу Кай, совершенно забывший о том, что ему нужно выступать, подскочил на месте. Он не знал, почему Лу Чжихуэй, сидевший так далеко, решил обойти всех, чтобы напомнить ему, но, в любом случае, тот руководствовался добрыми намерениями. Поблагодарив его, Шу Кай поспешил к сцене, чтобы отметить у координаторов.

Движения бегущего Шу Кая заставили Цзян Юаня обернуться. В конце концов, это был первый «детеныш», приглянувшийся ему, поэтому Цзян Юань, не задумываясь, встал и начал махать руками, подбадривая его:

— Кайкай, давай! Ты самый лучший!

Шу Кай не смог сдержать широкой улыбки, а затем последовал за сотрудниками за кулисы, чтобы провести последние приготовления и записать интервью.

Лу Чжихуэй, стоявший до этого в стороне, нежно провожал взглядом спину Шу Кая, пока тот не скрылся из виду. Лишь тогда он отвел глаза, неторопливо сел на освободившееся место, закинул ногу на ногу и, бросив косой взгляд на Цзян Юаня, холодно произнес:

— Кайкай очень простой, поэтому легко доверяет людям.

Над головой Цзян Юаня словно появился вопросительный знак. Он не понимал, почему Лу Чжихуэй вдруг решил обсудить с ним Шу Кая, но, учитывая, что тот был ладным и симпатичным парнем, он с удовольствием поддержал беседу:

— Это точно, Кайкай очень хороший человек, и зубы у него белые!

Лу Чжихуэй поперхнулся. Времени было мало, а пропускать выступление Шу Кая он не хотел, поэтому решил перейти сразу к делу:

— Я знаю, что ты знаком с режиссером Мао, но «Голянь» — это не то место, где можно делать все, что вздумается. Если посмеешь обидеть Кайкай, я тебя не прощу.

Цзян Юань замер, изо всех сил стараясь понять смысл слов через призму человеческого мышления. Через долгое время он ударил кулаком правой руки по левой ладони, и на его лице отразилось внезапное озарение:

— О-о-о! Я понял! Ты любишь Кайкай! Поэтому приревновал!

Лу Чжихуэй не ожидал такой прямоты и чуть не подавился собственной слюной. Прокашлявшись и покраснев, он возразил:

— Не болтай ерунды! Я его старший коллега по компании, конечно же, я говорю это из заботы о младшем! Ты... ты просто не в своем уме!

Цзян Юань издал легкое цыканье, похлопал Лу Чжихуэя по плечу с видом бывалого медведя и многозначительно произнес:

— Эх, молодежь! Если любишь — говори об этом смело! Зачем играть в эти драмы, где сердце полно любви, а слова застревают в горле? Смотри, если я правда уведу Кайкай...

Лу Чжихуэй, доведенный до белого каления, и Тин Юй, который все это время наострял уши, почти одновременно повысили голоса:

— Уведешь?! Значит, у тебя и правда есть виды на Кайкай!

— Уведешь?! Так ты любишь такой типаж?

Цзян Юань только сейчас вспомнил, что рядом сидит Тин Юй. Он поспешно бросил на него успокаивающий взгляд и, повернувшись к Лу Чжихуэю, продолжил свою речь:

— Ты такой красивый, а говоришь такие гадости. Весна пришла, я честно и открыто ищу себе пару, как это можно называть корыстными целями? Конечно, я медведь... ой, то есть человек с хорошим воспитанием, и готов соревноваться с тобой честно.

Говоря это, он озорно подмигнул:

— Так что давай, постарайся! Стар-р-рший коллега!

Лу Чжихуэй теперь покраснел до самой шеи. Он заикался, пытаясь что-то ответить, но не мог подобрать слов. Как раз в этот момент на огромном экране появилось досье Шу Кая, возвещая о начале его выступления. Лу Чжихуэй, который уже был готов взорваться от гнева, словно сдувшийся воздушный шарик, издал тихий звук и обмяк.

Цзян Юань, осознав, что выиграл спор у Лу Чжихуэя, не удержался и издал из носа торжествующее блеяние. Тин Юй, которому это было неприятно, указал на Шу Кая, вышедшего на сцену, и усмехнулся:

— Значит, твой любимый типаж, хм, настолько заурядный?

Цзян Юань чутко уловил кисловатые нотки в голосе Тин Юя. Стоило ему задуматься, к кому именно тот ревнует... Ой? Неужели к нему самому?

И тогда Цзян Юань, «медведь-ловелас», подавил инстинктивное желание хвастаться, которое уже подступало к самому горлу, и, схватив Тин Юя за руку, прошептал со всей нежностью:

— Сяо Юй, что ты такое говоришь? Мне ведь нравится именно твой типаж!

<http://bllate.org/book/21861/2268703>